

Никулин Виктор Васильевич

СУДЫ В ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ КОНЦА 1920-Х ГГ.

В статье рассматривается судебная практика в отношении крестьян в период хлебозаготовительных кампаний конца 1920-х годов. Анализируется влияние партийных решений на судопроизводство, применение статей уголовного кодекса, последствия репрессивных мер и состояние правоприменительной практики в конце 1920-х годов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. I. С. 146-150. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. Там же. Оп. 7.
6. Там же. Ф. 1837. Оп. 1.
7. Государственный архив Томской области. Ф. Р923. Оп. 1.
8. Дианов С. А. Взаимоотношения органов политической цензуры и ОГПУ-НКВД на Урале в 1920-1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2. Ч. 1. С. 56-60.
9. Исупов В. А. Население Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: численность, состав, воспроизводство // Российская история. 2010. № 4. С. 69-84.
10. Путеводители. Архивы. Государственный архив Томской области / авт. сост. А. Г. Караева, Т. В. Моторина, Л. В. Михайличенко, И. А. Набаева. М.: Звенья, 2001.
11. Слезин А. А., Пузырев А. Ю. Советская военная пропаганда в провинции как инструмент повышения обороноспособности государства накануне войны // Национальная безопасность. 2010. № 5.
12. Томский индустриальный институт [Электронный ресурс] // Об университете: сайт Томского политехнического университета. Томск, 2001. URL: <http://www.tpu.ru/html/tii.htm> (дата обращения: 23.05.2011).
13. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1.
14. Там же. Ф. 80. Оп. 2.
15. Там же. Оп. 3.

THE WORK OF THE NEWSPAPERS OF NOVOSIBIRSK AND TOMSK REGIONS DURING GREAT PATRIOTIC WAR

Mariya Vital'evna Netesova

Department of English Language and Business Communication

Tomsk Polytechnic University

sonimari2005@sibmail.com

The author considers the changes in the nomenclature and work of the newspapers of Tomsk and Novosibirsk regions during Great Patriotic War on the basis of the archival materials of the above mentioned regions, reveals the basic directions of the newspapers work during this period and estimates the process of printing development within the territory of Tomsk and Novosibirsk regions.

Key words and phrases: newspapers; nomenclature; circulation; number of pages; subject matter; personnel; quality.

УДК 94(47).084.6

В статье рассматривается судебная практика в отношении крестьян в период хлебозаготовительных кампаний конца 1920-х годов. Анализируется влияние партийных решений на судопроизводство, применение статей уголовного кодекса, последствия репрессивных мер и состояние правоприменительной практики в конце 1920-х годов.

Ключевые слова и фразы: крестьяне; хлебозаготовительный кризис; партийные органы; суды; правоприменение; контрреволюционное преступление; судопроизводство; репрессии; уголовная ответственность.

Виктор Васильевич Никулин, д.и.н., профессор

Кафедра гражданского права и процесса

Тамбовский государственный технический университет

viktor.nikulin@mail.ru

СУДЫ В ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ КОНЦА 1920-Х ГГ. ©

Решение политических и экономических проблем советской России во многом зависело от решения крестьянского вопроса. Политическая цена этого вопроса заключалась в политической стабильности, экономическая - в надежном продовольственном снабжении и индустриализации страны. В период нэпа большевики рассчитывали при помощи крестьянства экономически возродить страну, для чего, собственно, и вводился нэп, несмотря на его идеологическую враждебность официальной политико-экономической доктрине.

С этих же позиций можно рассматривать и введение в 1926 году «нового курса» в деревне, содержанием которого стало развитие крестьянских хозяйств. Соответственно, принимается ряд мер, направленных на защиту их имущественных интересов в виде смягчения «антикрестьянских» статей уголовного кодекса (неплатеж налогов, отказ от выполнения повинностей и т.д.) и установление законности. Вскоре, в связи с изменением политической и экономической ситуации, «новый курс» был заменен политикой жесткого давления на крестьян. Вопрос о законности уже не стоял как лозунг дня. А поскольку вся советская юстиция являлась исключительно «партийной», то, соответственно, в кампании давления на крестьян органам юстиции придавалось

исключительное значение. Они, в первую очередь, суды, должны были формально законным порядком оформлять партийные решения в отношении крестьян. Соответственно, менялись краткосрочные задачи судов.

Партийные органы требовали от судов в условиях стремительно возрастающего хлебного дефицита ускоренного рассмотрения «крестьянских дел». Основным лозунгом работы судов стал лозунг «минимум формы - максимум классового существа», практическое содержание которого заключалось в том, что примиренческое отношение к классовой борьбе рассматривалось как правый уклон и прямая помощь классовому врагу. Таким образом, суды превратились в важнейшее средство реализации установки «Хлеб любой ценой».

Создавалась правовая база для усиления репрессий. Верховный суд СССР 2 января 1928 г. в постановлении «О прямом и косвенном умысле при контрреволюционном преступлении» определил для судов возможность привлечения к ответственности за «контрреволюционные преступления и при недоказанности того, что виновные лица действовали с “контрреволюционной целью”» [6, с. 100]. В результате, отпала необходимость сбора дополнительных доказательств, что, с одной стороны, значительно ускоряло судопроизводство, с другой, увеличивало число «контрреволюционеров». Значительным изменениям подвергся порядок судопроизводства; теперь большинство дел проходили через открытые судебные заседания с предельно жесткими приговорами, что должно было сыграть роль запугивающих акций. Директива ЦК ВКП(б) от 14 января 1928 г. политически подкрепила курс на правовую дискриминацию крестьянства.

13 февраля 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о широком применении статьи 107-й УК, что рассматривалось как сильнейший побудительный стимул к продаже хлеба. Однако вскоре у судов стали возникать трудности с привлечением кулаков по 107-й статье. Дело в том, что она относилась лишь к профессиональным торговцам, кулак же - земледелец, а не торговец. Привлечение кулака по статье 173-й УК (ростовщичество) было малоэффективным, поскольку она предусматривала лишь личную, а не имущественную ответственность, а ч. 2 ст. 173-й исключала возможность применения конфискации имущества, что, в первую очередь, не устраивало власть. Вскоре эти «формальности закона» были сняты, и 107-я статья стала основным средством судебного воздействия на крестьян. Суды ориентировались применять карательные нормы закона, прежде всего, против «самых хлебных и политически вредных держателей хлеба». Судам запрещалось выносить по таким делам оправдательные или условные приговоры, а окружным судам - смягчать приговоры и удовлетворять кассационные жалобы [1, д. 30, л. 25].

Правда, запрет на удовлетворение кассационных жалоб был отменен после опротестования его 28 февраля 1928 г. Прокурором РСФСР Н. В. Крыленко. Но это не решало проблем правосудия. Необоснованность возбуждения дел, скоропалительность проведения процессов с полным игнорированием основных правил судопроизводства (85,5% всех дел разбирались в первые три дня с момента возникновения), чрезмерная суровость приговоров стали нормой судопроизводства [3, д. 847, л. 9]. Вследствие сильного нажима на судей (угроза наложения партвзыскания) и диктования им определенных условий по конкретным делам, суды теряли объективность и при вынесении приговоров допускали грубые нарушения, вынося обвинительные приговоры по принципу: даже когда нечего предъявить в качестве обвинения - все равно посадим, хотя бы на две недели [Там же]. Ни о каком качестве судебного следствия не могло быть и речи. По сути дела, приговоры выносили административные органы. Судья бежал в комитет партии, и там ему прямо говорили, что делать по тому или иному делу.

Много ошибок было в делах о кабальных сделках. Гражданский кодекс (ст. 33) сущность кабальной сделки определял следующим образом: «Когда лицо, под влиянием крайней нужды, вступило в явно невыгодную для себя сделку, суд может либо признать сделку недействительной, либо прекратить ее действие на будущее время [4, ст. 33]. Суды же под кабальную сделку подводили простые договоренности между крестьянами, часто применяемые в повседневной крестьянской жизни. При вынесении оправдательных приговоров по таким делам ставился вопрос о правильности вынесения приговора и личной ответственности судьи. Поэтому судьи шли на всевозможные ухищрения, чтобы добиться осуждения. Кроме 107-й статьи УК широко применялись статьи 101-я и 102-я (шинкарство и самоговарение), 60-я (неуплата налогов и сборов), 62-я (сокрытие от учета объектов обложения, снятых в аренду земель), 133-я (нарушение законов о труде), 169-я (аренда земли без договора) и другие. Как правило, приговоры сопровождалась бесцельной конфискацией имущества и скота на основе непроверенных данных.

Правоприменительная практика становилась все более беспринципной. В интересах ускоренной расправы над крепкими крестьянскими хозяйствами создавались «судебно-следственные бригады», целью которых было максимально быстрое прохождение дел и проведение показательных процессов. Но следует отметить, что подобным судилищам, с явной слабостью обвинения и юридически некомпетентными исполнителями, крестьяне давали отпор. Немало открытых показательных судебных заседаний было провалено. Узвленные и амбициозные городские судьи стремились всячески найти в рассматриваемых делах «политические мотивы» и враждебное намерение подсудимых, но не всегда это удавалось.

Кампания по преодолению хлебозаготовительного кризиса 1927-1928 гг. стала первой кампанией, где судам предназначалась особо значимая роль. Итоги судебной деятельности оказались столь неутешительными, что пришлось оценить ее как явный «перекос» в судебной практике и пересмотреть с отменой приговоров значительную их часть. Особенно много было отменено приговоров по 107-й статье УК. В Тамбовской губернии было утверждено лишь 11,3% данных дел, 41,8% дел пересмотрели с изменением приговоров в сторону их уменьшения и сокращения конфискованного хлеба и имущества. Полностью прекращено

было 45,2% дел. По некоторым уездам процент прекращенных дел перевалил за 50: Моршанский уезд - 79,65%, Тамбовский уезд - 50,5%. Отменена была почти полностью конфискация имущества, за редким исключением (рабочий скот, крупные постройки, мельницы и сельхозмашины в действительно крупных кулацких хозяйствах), сокращены были до минимума сроки тюремного заключения [3, д. 847, л. 10].

Одновременно была предпринята попытка разгрузить места отбывания наказания, поскольку огромное количество уголовных дел, возбужденных в отношении крестьян, привело к катастрофической перегруженности тюрем. На 1 июля 1928 г., например, в ЦЧО заключенных было 11146 человек, при наличии 7545 штатных мест. На 1 января 1929 г. уже 12500 заключенных, из которых 4150 (33,2%) были подследственными заключенными. Общая перегруженность по РСФСР составляла от 160% до 230% [1, д. 139, л. 43]. В директивном письме о карательной политике от 20 августа 1928 г. НКЮ и Верховный Суд потребовали избегать краткосрочного наказания (менее одного года), допуская его лишь в случаях крайней необходимости, когда лицо принадлежит к классово-чуждому элементу и ранее судимо. К остальным применять ст. 51 УК (право суда по исключительным обстоятельствам определять меру социальной защиты ниже низшего предела или назначать менее тяжелую меру социальной защиты), переходить на более слабые меры социальной защиты - штрафы и т.п. [2, д. 30, л. 314].

Определенная нормализация ситуации с продовольствием, очевидная неэффективность репрессивных мер, нарастание напряженности в деревне заставили власть отказаться от чрезвычайных мер и попытаться избежать «извращений судебной практики» в хлебозаготовительную кампанию 1928-1929 гг. В июне 1928 г. НКЮ в циркуляре о хлебозаготовках предложил реализовать ряд превентивных мер. В частности, районные прокуроры должны были тщательно следить за нарушениями и твердо на них реагировать. Привлекать по 107-й статье можно было только скупщиков - спекулянтов и торговцев. Предписывалось привлекать к уголовной ответственности должностных лиц, проявивших халатность, превышение и злоупотребление властью [3, д. 231, л. 11]. Но остановить инерцию насилия уже было невозможно, тем более что авантюристические и произвольные экономические и политические решения не только не избавляли от экономических провалов, но и все в большей степени способствовали их приумножению. Кризис повторился в еще большем масштабе, что вызвало новый виток насилия в деревне.

По мере приближения уборки урожая, позиция властей все более ужесточалась. Постановлениями ВЦИК и СНК от 28 июля и 5 августа 1929 г. сельским советам разрешалось в административном порядке накладывать на кулаков, отказывающихся продавать излишки хлеба государству, штраф в размере 5-ти кратной стоимости подлежащих сдаче продуктов. При неуплате штрафа их имущество конфисковывалось, а сами они подлежали выселению. Отменялись законы об аренде и о найме рабочей силы и т.д. Немедленно прекращалась регистрация сделок купли-продажи у нотариусов, для того чтобы не позволить продать имущество и уйти от конфискации. Требовалось не допускать никаких шатаний работников суда [1, д. 174, л. 42]. Суды ориентировались на применение к кулакам максимального наказания по статьям 61-й и 107-й УК - лишение свободы в соединении с конфискацией имущества или штрафом, с применением высылки или ссылки [Там же].

Жесткость властей вызвала усиление сопротивления крестьян как в открытой, так и в скрытой форме в виде массовых протестов, открытого неповиновения властям, индивидуальных или групповых терактов, направленных против представителей властей. В ЦЧО в 1929 г. всего было зарегистрировано 1233 террористических актов [Там же, д. 8, л. 30]. В Тамбовском округе за 1929 г. было возбуждено 127 дел по статье 58-8 (теракты); по статье 58-10 (контрреволюционная пропаганда) - 32 дела; по статье 58-9 (поджоги, разрушение железнодорожных путей и пр.) - 5. Всего было привлечено к уголовной ответственности 470 человек [Там же].

Понятие «террор» имело весьма широкое толкование. К террору относились убийства, ранения, избивания, призыв к восстанию, сопротивление представителям власти, грабеж государственного имущества, антисоветская агитация, клевета на представителей власти, поджоги. Террористическим актом можно было признать, фактически, любое более или менее серьезное преступление. Хотя по смыслу статьи 58-8 УК террористическим актом признавались, прежде всего, насильственные действия против представителей советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций. При рассмотрении контрреволюционных дел, значительную часть которых составляли дела о терактах против работников низового советского аппарата, рабкоров и селькоров (убийства и поджоги), окружные суды, исходя из степени опасности этих преступлений, проводили по этим преступлениям жесткую политику, применяя исключительную меру социальной защиты при максимально быстром процессе (ст. 334 УПК).

Исходя из расширительного толкования «контрреволюционное преступление», суды все чаще квалифицировали как контрреволюционное преступление действия, не имевшие никакого отношения к этому. Это видно из документов наблюдательного производства по делам Тамбовской прокуратуры. Например, группа граждан Сампурского района (женщины, священники) была обвинена в преступлении, предусмотренном ст. 58-9, 58-10 ч. 2 УК - агитация против Советской власти. Их деятельность заключалась, якобы, в проведении тайных собраний с целью организации бедняков для противодействия советской власти и для разложения бедноты, в утверждении, что советской властью недовольны не только середняки и бедняки, но и крысы. Обвиняемые были признаны непримиримыми врагами советской власти и осуждены к заключению в концлагерь сроком на 5 лет. Н. Т. Гунин обвинялся по статьям 58-10, ч. 2 ст. 95 и ч. 2 ст. 169 УК в антисоветской деятельности, которая, якобы, заключалась в том, что, будучи грамотным, рассудительным, имевшим авторитет среди крестьян, он влиял на всю общественную жизнь села, к нему за советом шли все крестьяне.

Дело было направлено в ГПУ [2, д. 8, л. 30]. Данные дела не соответствовали составу преступления и были пересмотрены вышестоящим судом.

Наиболее жестко суды подходили к террористическим актам против низовых советских и общественных работников. В 1929 г. в ЦЧО 30,5% осужденных по этим делам были приговорены к расстрелу, 27% - к лишению свободы на 10 лет, 19,4% - от 5 до 10 лет [1, д. 174, л. 42]. Суды в данном случае использовали «мощное оружие решительного подавления контрреволюционной агитации кулаков» ст. 58-10 (убийства, поджоги), ст. 58-8 (вредительские действия: уничтожение, порча сельскохозяйственной техники и т.д.). Легких мер по этой категории не применяли.

В период хлебозаготовительных кампаний в деревне резко увеличилась преступность, загулял «красный петух». Поджоги, начавшие распространяться с осени 1927 г., продолжались во все возрастающем масштабе вплоть до 1930 г. Наиболее пострадавшими оказались середнячки хозяйства. В 1929 г. в Тамбовском округе убытки от поджогов составили 10% от бюджета [Там же, д. 148, л. 12]. Определенная доля истины в утверждении, что поджоги являлись ответом крестьян на насилие властей, несомненно, есть. Однако большинство поджогов имели все-таки другую мотивировку. По оценке Тамбовской прокуратуры, основные причины поджогов - это социально-бытовые условия деревни, низкий культурный уровень, собственнические устремления, пьянство. Как следствие - месть, хулиганство. По материалам судебной статистики, причинами пожаров были месть бытовая - 39,2%; озорство - 42%; земельные отношения - 2,6%; месть должностным лицам - 2,6%; раздел имущества - 2,7%; за свидетельство в суде - 2,6%; месть служебная - 2,6%; хулиганство в пьяном виде - 5,2%; не выяснено - 5,6% [Там же, д. 5, л. 49]. Таким образом, главная причина деревенских поджогов состояла вовсе не в «антигосударственной деятельности кулаков», а определялась внутренней жизнью деревни, во многом, личными мотивами. Власть сама была вынуждена признать, что поджоги стали средством мести и сведения счетов и главная их причина - «бытовая мстительность» [2, д. 30, л. 288].

Практика судебного преследования по делам о поджогах определялась постановлением Президиума Верховного суда РСФСР от 27 декабря 1927 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 175 УК». Статья предусматривала наказание за «умышленное истребление имущества путем поджога» в виде лишения свободы до 5 лет. При наличии человеческих жертв наказание увеличивалось до 10 лет лишения свободы [7, ст. 175]. В постановлении обращалось внимание на то, что в некоторых местах поджоги приняли распространенный характер, причем учинялись они часто одним и тем же лицом, социальная опасность преступления повышалась (рецидив). Судам рекомендовалось давать максимальные сроки лишения свободы с возможным выселением такого лица из данной местности. Необходимо было улучшить следствие по таким делам (раскрываемость составляла всего 11%). Отсутствие доказательной базы приводило к тому, что приговоры выносились на основании слухов и предположений жителей. Постановление требовало выяснения всех обстоятельств, в том числе, и социального положения обвиняемого и потерпевшего (мощность хозяйства, их общественное положение и их отношение к классовой борьбе в деревне). В постановлении совершенно справедливо отмечалось, что необходимо помнить, что случаи поджога активиста или советского работника часто происходят не из-за классовой вражды, а по причине личным (ревность, месть и т.п.) [1, д. 5, л. 86]. В декабре 1929 г. мера наказания по поджогам была снижена до принудительных работ, что сразу же подняло волну поджогов. Справиться с волной поджогов удалось лишь в начале 1930-х годов.

Кулаки были главными держателями товарного хлеба, одно это определяло повышенное «внимание» к ним со стороны властей. Кроме того, они принимали активное участие в частной торговле, составляя существенную конкуренцию госторговле и кооперации. В 1924-1925 гг. на их долю приходилось до 50% заготовок сельхозпродукции. В 1926 г. деревенское население покупало у кулаков две трети всех промтоваров [5, с. 71]. Партийные директивы требовали от судов в отношении «кулацкого контрреволюционного актива» вынесения жестких приговоров, применения высшей меры. В отношении этой категории применялись, как правило, шесть статей УК: 58-8 (подготовка теракта); 58-9 (разрушение взрывом, поджогом складов и прочих строений); 58-13 (антисоветская пропаганда и агитация); 73 (сопротивление представителям власти); 79-1 (попытка или разбор конфискованного имущества); 79-1 (за подстрекательство или убой скота). Последние два вида преступлений были квалифицированы УК уже исходя из опыта начавшейся коллективизации. Но давление местных властей, правовая безграмотность приводили к зачислению в кулаки середняков, с применением соответствующих статей УК. В ЦЧО в 1929 г. из общего количества 2537 человек, осужденных судами по статьям 61, 107, 131, 73 УК 623 (24,5%) составили середняки. В то же время были случаи вынесения мягких приговоров в отношении кулаков, что квалифицировалось как искривление классовой линии, и судьи отстранялись от работы. Окружными судами было утверждено 90,7% приговоров нарсудов, остальные были отменены, в основном, из-за мягкости приговора [1, д. 9, л. 462].

Количество дел было столь велико, что Верховный суд РСФСР 10 октября 1929 г. все дела по части 1 ст. 73 УК (сопротивление кулаков при принудительном отборе у них хлебных излишков, при описании имущества и т.д.) и по ст. 131 УК (злостное невыполнение договоров по контрактации) передал в пределах ЦЧО на рассмотрение судов первой инстанции - народных судов. Хотя ранее такие дела были подсудны только окружным судам [Там же, л. 417].

Судебная практика в отношении крестьян конца 1920-х годов свидетельствовала, что принцип «революционная целесообразность выше формального права» стал основным принципом правоприменения. Право заменялось «неправом», то есть организационными и техническими нормами регулирования, закон приобрел

откровенно «служебную роль». В основе данной трансформации лежало глубокое убеждение большевиков, что при коренной реконструкции общества нет необходимости следовать закону, что неизбежно порождало правовой нигилизм, когда учет реальных потребностей человека и их защиты объявлялся «буржуазным пред-рассудком», а требование законности - трусостью или гражданским мошенничеством, призывы к использованию правовых методов - «реакцией». Таким образом, сложившаяся после Октября 1917 г. односторонняя ориентация права на политику продолжала быть определяющей и в 1920-е годы, что на практике приводило к подмене принципа законности принципом «революционной целесообразности», который следует рассматривать как механизм юридической практики, активно применявшийся в конце 1920-х - начале 1930-х годов в целях воздействия на крестьян. Можно утверждать, что бесконтрольная власть аппаратной бюрократии привела в конце 1920-х годов к глубокому перерождению всей системы юстиции. Политическая доктрина окончательно стала главным регулятором государственной и общественной жизни, закон играл второстепенную роль. Соответственно, судебная практика приобрела совершенно искаженный характер, когда все нормальные представления о справедливости заменялись классовой неизбежностью и политическим произволом.

Список литературы

1. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 527. Оп. 1.
2. Там же. Оп. 2.
3. Там же. Ф. Р-524. Оп. 1.
4. **Гражданский кодекс РСФСР 1922 г.** // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917-1991 гг. / под ред. О. И. Чистякова. М.: Зерцало, 1997.
5. **Есиков С. А.** Общественно-политическая обстановка в деревне Черноземья в связи с хлебозаготовками 1928-1929 гг. // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета. СПб., 2004.
6. **Сборник постановлений, разъяснений и директив Верховного суда СССР.** М., 1935.
7. **Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года.** М., 1927. 271 с.

TRIALS IN GRAIN PROCUREMENT CAMPAIGNS OF THE END OF THE 1920S

Viktor Vasil'evich Nikulin, Doctor in History, Professor
Department of Civil Law and Process
Tambov State Technical University
viktor.nikulin@mail.ru

The author considers judicial practice in relation to peasants during the period of grain procurement campaigns of the end of the 1920s and analyzes party decisions influence on legal procedure, criminal code articles application, repressive measures consequences and law enforcement practice state at the end of the 1920s.

Key words and phrases: peasants; grain procurement crisis; party authorities; trials; law enforcement; counter-revolutionary crime; legal procedure; repressions; criminal liability.

УДК 316.75

В статье рассматривается динамика изменения культурных норм, нравственных установок и ценностных ориентаций студенческой молодежи. На материалах конкретного социологического исследования проводится сравнительный анализ культурных паттернов студенческой молодежи разных курсов обучения.

Ключевые слова и фразы: культурные нормы; духовные интересы; ценностная ориентация; нравственные установки; социокультурная среда вуза.

Татьяна Михайловна Петина, к. филос. н.
Кафедра социологии, политологии и истории отечества
Самарский государственный технический университет
petinovatm@yandex.ru

**КУЛЬТУРНЫЕ НОРМЫ И НРАВСТВЕННЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА ©**

Объективные социальные процессы, которые идут в современном российском обществе, свидетельствуют об изменении положения молодежи не только в социальной структуре общества, но и в социокультурном пространстве в целом. Изменившееся соотношение эталонных частот биологического и социального времени, а также появление новейших средств массовой информации и индивидуального общения приводят к